

Товарищу СТАЛИНУ

ДОРОГОЙ ИОСИФ ВИССАРИОНОВИЧ!

Мы давно собирались, отец наш любимый,
Рассказать Тебе все под звучные цимбалы,
Рассказать про наш край, где в небо брали мы,
Где с востока народ долю светлую ждал;

Рассказать, как встречали боевые знамена,
Озарившие пруром синеву вокруг,
Как к Тебе из горных сердц милионов
Поднималась любовь, наш учитель и друг!

Край родной наш враги звали так, как хотели:
«Польши», «красами»... Мы же, под струи своих
грустных,

Языком наших сказок и песен, что цели,
Называли веками свой край — Белорусь.

Увенчали наш край и леса и равнины,
Реки выгнули вечный зеркальный узор,
Разостлалась под небом высокий краинка
Расписанными коврами лугов и озер.

Нарочь пенится в солнце. Приглушенным громом
Волны бурно рокочут, и пленут, и бьют,
Налибоки осеня загляделись в Брамань,
Зубры в чаще глухой беловежской живут.

Вилем Неман когда-то чудо-лодки варягов,
Узорные шиты в озарении лучей,
Слушали песни чужие, полночные саги,
И уходы и звоны крестоносных мечей.

Протекали здесь пивы, воевали французы,
Разоряли машины наш край, короли,
Распыливались ручьями в зной, в лютую стужу
Кровь народа по берегам нашей земли.

С Балинским мышли против ката в короне,
Против катов с крестами, с петлею в руках, —
Эхо дней тех доносится в песенном звоне,
Славу дней тех курганы несут сквозь века.

По обрывам и взгорям тихо дремлет былье,
Зарастает поляны и мохом густым.
И шумят под ветрами стадства хвой,
Шипы ссыплются на землю южные золоты.

А потом вновь гремело, рвали землю снаряды,
Алей кровью она поливалась не раз,
Люди погибли к земле, как колосы под грахом,
А по ней плыл волнами удущивший газ.

Нас в окопы бросали, в бури, в шквалы опалелый
Богатырь и бог, и цари и их сброд,
Чтоб с кровавых загонов, с могил онемелых
Побогаче собирать для себя умоз.

Кликнул Ленин и Ты нас. И за Вами пошли мы
Сквозь Октябрьское пламя в боевые годы,
Стиг свободы алая над отчиной родимой,
Шли солнце вторые тогда!

Но враги подползали опять, как шакалы,
Чтоб в крови утопить свет свободных зарниц,
Только грозной степью распустила ветла,
Их отбросила прочь от советских границ.

И лишь нас отцепили паны и наймы,
Оторвали забитых, измученных нас.
Гибли тучные нивы под конским коньком,
Изнывали в оковах родная страна.

Нас межкой разрушили, изрезали рвами,
Чтобы свежие ветры восточные нам
На свободных колхозных просторах весна.
Понастроили тюрем. Там, в глухих казематах

Мы от гнева склонили свои кулаки;
Загоняли нас в первью. Там, во мраке проклятом,
Путаница опутывала науки.

По дорогам, по тропам, нашей кровью политым,
С Острыми Брамами, с Честовкой — как будто из нор
Жадной стай в сутанах полыни везуты
На засеянный нами родимый простор.

И крестом, и нагайкой, и кронштадтом, и пулевой
Гнали нас в, толкали в обятья врага,
И где шла она — сосновы стояние гнулись,
Реки гневно кипели, размыли берега.

Понастроили — расселась, паны и магнаты,
Загнали нагайки и кнут среди сел,
На луга наши, низы, на банные каты
Налетел с юрчущим сном белый орел.

Захватили поля и леса, и озера,
И в коих застонала родная страна,
Только межи, котомки, да помынь горе,
Да погости глухие остались нам.

Сотни лучших бойцов нашей доли народной
За великую радость грядущих побед
В Святом Крыже, Фордоне, Вильне. Врониах
и Гродно

Отбывали — томились гладить катаржных лет.
Годы гнали нас в, брошили родные руины,
Батраками и нищими в свет мы пошли;

Знали жажду пампово, Урутвой. Аргентину,
Черный пот наш залит половину земли.

Проклинали мы долю за солой на колосах,
За сером у панов, за батраком косой.
С нами плакали ржи золотые колосья,
Над землей под кречью — родимой землей.

За налог нас грабили — сирых, убитых, —
На постройку дорог нас сгоняли пчельми, —
И, как щебенка грани, устали дороги
Мы на целие версты скромы кости.

И на запад по рекам, по рельсам, по трахам
Днем и ночью веяли бредна — мечты тяжелы,
Мятый лен, семена, узорочные пластики, —
Нашу юность, красу наших пуш и полей.

В безработице смолк гул моторов. С высоких
Труб не шел больше дым; он исчез без следа.
Смолкли в Гродно гудки и стаканы в Белостоке,
Волны бунты захлестывали города.

Волны шли из преместий, безработных кварталов,
Прорвали штепти полчищами птицами,
Пол открытыми флагами пили, штурмовали,
Отжалась деревни на клык городов.

Поднялось Полесье. Кобрик, Лиза... Пожары
Полыхали ночами упольских «осад».

За останником, Гродно волны вспенили Нарочь
До браславских рыбачьих землянок и кат.

И по вселу, где мы алый флаг поднимали,
Вождь, Ты был среди нас. Сквозь огонь и сквозь

Сквозь
С Твоим именем шли мы, нас оно согревало,
Склоняя крепом наша скрепляло руки.

Твое имя веяло нам призывающим гремело:
И в Картузской Березе, и срель почти глухой
В казематах Лукинских, — пробуждало в нас

Смелость,
На знаменах борьбы загоралась звезды.

Выше головы мы поднимали на марше,
Крылья наши порывы молодой распределяли,
Был Ты, Стalin, могучею поступью нашей,
Песней нашей победной Ты с нами шагал!

Враг подтягивал силы, огню предавая
Города и деревни от Двины до Карпат, —
Звон канонов повис над измученным краем,
Воронье закружилось над крыльями хат.

Продавала народ «Белорусскую Раду»,
И нацизмы, в шапки, и меньшевики,
Продавали за сребреники, чин и награды, —
Только мы выбивали им волчьи клыки.

Так в жестокой борьбе, пораженных, порывах
Будто венчальь, казалось, танулись года,
Потому над родимой страной спротивы
Наша грустные песни звенели тогда.

Распевали их в поле за работой тяжелой
Распевали их с панской работы на;
Чтоб на них заглушить изнуряющий голод,
Распевала батрачка, качая дита.

Зарыдали они, когда ветер с заката
Тенью туч грозовых опоясал страну,
Когда черная весть пролетела по хатам, —
Весть о том, что паны начинают войну.

Гром орудий. На пивах, снарядами взорты,
Смерть курганы-могилы посыпалась вновь.
В городах был последний спрятал бандиты,
Проливали в погромах невинную кровь.

Ночь страну охватила пожаром азовским.
Только верил и знал белорусский паром:
С рук свалился на них капитан зажарившим, —
И с наядкой, с молчком смотрел на восход.

Знали мы азовский, широкий, как море,
Как утес, нерушимый Советский Союз,
И что Ты, наш отец, удручен нашим горем,
И возмешь нашу жизнь под защитой Твоей.

Благодарность Тебе будет жить в поколениях;
Будет жить в наших песнях и сказках тот час,
Когда Молотов нам возвестил вызволение,
Выполняя волю Твою и наказ.

Так не успелись Нарочи волным бурно,
Не взъягались и неманская светлая вода,
Как забила криничай прозрачной, лазурной радостью
Радость нашей земли в этот памятный день.

Мы рыдали от счастья, и в камыши хату
Эту весть мы, как солны снесли, как весну.
И в мгновене одно, словно сокол крылатый,
Эта весть облетела родную страну.

Ей навстречу шли дети, а следом за ними
Старники, набираясь зверов и сил,
На завалинки шли голубими седыми,
Будто молодость в них этот день воскресла.

Развевались над седыми алое знамя,
Разогнули свою сину впервые народ.
Мы смотрели на него, ловили глазами
Звезды счастья, что нес на крыльях самолет.

Грохот пушек и танков, излучший с востока,
Прорывавший для нас словно гром в сухой земле.
Нес рохмы погибших животворные соки,
Нес надежду в сердца изможденных людей.

Для врагов эта весть была грома ударом.
Среди ясного неба — нежданна, страшна:
Их, панов и подпанков, князей и жанчаров,
Словно гадов, сметала насилия страна.

Ни костели, ни башни, что строила башня,
Ни окопы врагов защитить не могли —
Без огня сбежали паны-оккупанты
С чужой и ограбленной ими земли.

Наряжались, и песнями наполнились хаты,
Желтолистье горело в вишневых садах.
Собирались парни, мужчины, девчата.
Словно в праздник, спеша за гербене, нахлы.

Шли мы братьев любимых, гостей пологодных,
Нам свободу и счастье привнесли, встречают.
Двадцать лет мы их ждали, — родных и желанных,
Чтоб к груди пострадавшей не жено прижать.

И казались нам tankи, как дивы праздничий,
Их дивились, как сказочных богатырей.
Сколько светлых минут, сколько воспоминаний
Нам принес этот день — не опечи гусыни!

Брата брат постриг после долгой разлуки,
Встретил сына отечь, сестра брата наша,
И шептала старушка: «Голубчики, внуки...»
Только внуки своих сосудить не могли:

Украинец и русский, сын Грузии стройный,
Светлоруський карел, и киргиз, и узбек —
Каждый вспомнил сибирь былой, ей саски, достойными.
Нам же — братом он был по труду и борьбе.

Обилья, словно хмель, мати родимого сына,
Гладят волосы русые тихо рукой,
Обилья за себя, за народ, за краину,
Оросила счастливо первой слезой.

Люд рабочий из тюрем, из кор Белостока
Вышел. Улицы, площаи все заполнили.
И впервые гремел над страной восток,
Гимн борьбы и побед — Интернационал.

И дрожали от гимна победного звуки
Старых замков, гробницы князей, восток.
Эти мрачные башни вороты похода
Не видели такого, как этот поход!

Молодая работница с теплой любовью,
Таки высокий, лишенный здоровья и сил,
Стал восставать насилие, стиг, пропитанный кровью
Тех, кто жизни с врагами в борьбе не щадил.

Они знали, что в грехоте tankов могучих,
В четкой поступи рог, в звоне конских подков,
Труд пришел, чтобы другим стать неразлучным,
Хлеб пришел на столы всех рабочих домов.

На призыв Белостока — на сход воинский
Люди с фабрик, с полей плодородных пришли.
Чтоб решить, как им жить на просторах свободных,
Быть хозяевами возрожденной земли.

Девятнадцать шесть было всех депутатов,
А за них — пятидцатиillionный народ,
На этапных дорогах встречались когда-то,
А сейчас их краина позвала на сход.

Не опишишь первом и в словах не расскажешь
О величии этого светлого гра.

Ты в сердцах наших жив! Речью покрепней нашей
Управила могучая воля Твой!

Твое имя взмылося бурей оваций,
Пламенело на лозунгах наших огнем,
Славу пели Тебе без различия наций
На одном языке — языке трудовом!

И на сходе тогда утвердили мы право
Навсегда для свободных отчий ломей,
Что вожаки бандитам в каты кровавым
Плот трудов наших больше не грабить нигде!

Чтобы прошлое наше развелось дымом,
Чтобы вновь не тощать нам тропинок глухих,
Поринуть просить, чтоб Ты принял, любимый,
Нас в семью богатырок народов своих!

Мы в Москву повезли эту просьбу народа,
В Кремль, к Тебе, наш отец дорогой, повезли.
Вдаль бежали чугунные рельсы свободы —
Не делала граница родимой земли.

Нас Москва, как родных, долгожданных, встречала,
Так мать не встречает родимых детей.
Шли по улицам мы до Кремля от вокзала
В море флагов и теплых улыбок людей.

Здесь в Советской Союз и вились мы на ветвях
Синих венес и листьев на стволе:
Они всюду, куда бы мы ни кинули взгляд,
Мы беречь постоянно Советов границы.

Пристигнули рубиновыми звездами Кремль.
А сколько разных чудес мы видели в столице:
Они всюду, куда бы мы ни кинули взгляд,
Мы беречь постоянно Советов границы.

Сколько разных чудес мы видели в столице:
Они всюду, куда бы мы ни кинули взгляд,
Мы беречь постоянно Советов границы;

Знаем мы: жив Илья, он не умер, он с нами:
Хоть безымянно гранитный стоит мавзолей, —
Над землею развернутое Сталинским знамя —
Знамя ленинских мудрых бессмертных идей!

Мы в Кремле. Мы в Союзном Верховном Совете,
На площади Красной в граните червоном
Сияет великий Илья — вождь народов земли;
Мы ему принесли от народа поклоны, Благодарность народа ему принесла.

Знаем мы: жив Илья, он не умер, он с нами:
Хоть безымянно гранитный стоит мавзолей, —
Над землею развернутое Сталинским знамя —
Знамя ленинских мудрых бессмертных идей!

Мы в Кремле. Мы в Союзном Верховном Совете,
На площади Красной в граните червоном
Сияет великий Илья — вождь народов земли;
Мы ему принесли от

ВОЙНА МЕЖДУ ИТАЛИЕЙ И ГРЕЦИЕЙ

ЛОНДОН, 28 ноября. (ТАСС). Кабинет агентства Рейтер, английской авиации совершил успешный налет на Балону. Зарегистрировано прямое попадание бомб в стоявший в порту большой пароход. Значительный ущерб причинен докам, разрушена часть набережной, а также постройки бывшего ангара. Один немецкий истребитель сбит. Английская авиация обстреляла колонну отступающих итальянских войск в районе Телене (Альбания). Противник понес большие потери.

Английская авиация за время войны в Греции сбила 20 итальянских самолетов. Заместитель министра авиации Бальфур заявил, что после того как 19 ноября 8 итальянских самолетов были сбиты английским истребителем, немецкая авиация склоняется к бою с английским самолетами.

НЬЮ-ЙОРК, 28 ноября. (ТАСС). По сообщению агентства Ассошиэйтед Пресс, представитель греческого правительства заявил, что наступление греческих войск проходит успешно.

Как передает агентство Юнайтед Пресс, греки отбили две итальянские атаки южнее Москвы. Английские самолеты бомбардировали дорогу севернее г. Пограда. Греческие войска после серьезного сражения, в котором они потеряли 72 человека убитыми и 50 ранеными, заняли деревню Дракова. За последние два дня греки продвинулись в этом секторе на 6 миль. 9 греческих и английских самолетов трижды бомбардировали Дуррапо. Бомбардировка вызвала пожар нефтехранилища. Повреждены также портовые вооружения. Убито 34 человека и ранено свыше 40.

Экономическое положение Франции

ВИШНЯ, 27 ноября. (ТАСС). Французское правительство решило приступить к составлению проекта бюджета на будущий год. Уже полгода Франция фактически живет без бюджета.

В беседе с представителями печати министр финансов Бутты сообщил, что во Франции с целью прекращения выпуска обесценивающихся бумажных денег расширяется применение системы векселей и чеков, причем чеки будут обращаться как платежное средство. С целью оживления работы промышленности государство намерено авансировать предпринимателей.

Население предложено закупать только абсолютно необходимое для личного потребления количество нерационаемых товаров. Устанавливается строгий контроль над внешней торговлей. Правительство намерено вперед строго ограничивать экспорт и не допускать, чтобы он превышал вывоз.

Французская печать, комментируя эти мероприятия, подчеркивает, что французское народное хозяйство за последние десятилетия развивалось как хозяйство, зависимое от иностранных рынков, особенно от английского и американского. Франция систематически ввозила из Англии и Америки большое количество разнообразных товаров. Во французских колониях произошло только 25 процентов потребляемого во Франции хлопка; остальное количество хлопка ввозилось во

Англо-германская война

ГЕРМАНСКИЕ СООБЩЕНИЯ

БЕРЛИН, 28 ноября. (ТАСС). Газета «Политика» сообщает: Ситуация на фронте почти не изменилась. Итальянцы на некоторых участках продолжают отступать по предусмотренному плану.

В Тирасполе прибыли начальники итальянского генерального штаба маршал Бадольо. В связи с этим в Тирасполе проходит важное совещание по организации итальянского контингента.

ОХРИД, 28 ноября. (ТАСС). Вчера, начиная с 3 часов утра, бой между греческими и итальянскими войсками в районе Пограда начался с новой силой. Действия тяжелой и легкой артиллерии продолжались на четырех часов длины. Основной итalo-греческий фронт проходит вблизи реки Червса. Особо высокий тон греческой и английской авиации сбрасывало бомбы на дорогу, проходящую по южной стороне озера Охрида. Утверждают, что эти же бомбардировщикибросили бомбы на небольшой итальянский лагерь, находящийся вблизи Чабасана. Взорвав бомбы настолько сильно, что в окнах домов в Охриде разбились стекла.

БЕРЛИН, 28 ноября. (ТАСС). По сообщению газеты «Политика», греческие войска после серьезного сражения, в котором они потеряли 72 человека убитыми и 50 ранеными, заняли деревню Дракова. За последние два дня греки продвинулись в этом секторе на 6 миль. 9 греческих и английских самолетов трижды бомбардировали Дуррапо. Бомбардировка вызвала пожар нефтехранилища. Повреждены также портовые вооружения. Убито 34 человека и ранено свыше 40.

АНГЛИЙСКИЕ СООБЩЕНИЯ

ЛОНДОН, 28 ноября. (ТАСС). Официально сообщается, что в ночь на 28 ноября германская авиация совершила налет на город в Юго-Западной Англии, на Лондон и его окрестности. Над Лондоном неприметные самолеты появились в течение всей ночи. От бомбардировок пострадали жилые дома и складские помещения, в которых возникли пожары. Материальный ущерб незначителен. Жертвы нервельсы. Кроме того, германские самолеты бомбардировали отдельные пункты в Центральной и Восточной Англии, а также в Юго-Восточной Шотландии. Материальный ущерб незначителен. Жертвы нервельсы. Имеются несколько жертв. Материальный ущерб незначителен. Английская авиация напала вчера на итальянские моторизованные колонны вблизи Эльбасана.

Широков в школе трудно поддается дисциплине. Ему ничего не стоит сделать посадку у самого вокзала, лишь затем, чтобы встретить любимую девочку, рискуя при этом и самолетом и жизнью.

Но поступки Чкалова были обусловлены неукротимой жаждой творчества. У Широкова же они выражаются как обычное венчурное воздушное хулиганство.

Широков в школе трудно поддается дисциплине. Ему ничего не стоит сделать посадку у самого вокзала, лишь затем,

чтобы встретить любимую девочку, рискуя при этом и самолетом и жизнью.

Но поступки Чкалова были обусловлены неукротимой жаждой творчества. У Широкова же они выражаются как обычное венчурное воздушное хулиганство.

Широков в школе трудно поддается дисциплине. Ему ничего не стоит сделать посадку у самого вокзала, лишь затем,

чтобы встретить любимую девочку, рискуя при этом и самолетом и жизнью.

Но поступки Чкалова были обусловлены неукротимой жаждой творчества. У Широкова же они выражаются как обычное венчурное воздушное хулиганство.

Широков в школе трудно поддается дисциплине. Ему ничего не стоит сделать посадку у самого вокзала, лишь затем,

чтобы встретить любимую девочку, рискуя при этом и самолетом и жизнью.

Но поступки Чкалова были обусловлены неукротимой жаждой творчества. У Широкова же они выражаются как обычное венчурное воздушное хулиганство.

Широков в школе трудно поддается дисциплине. Ему ничего не стоит сделать посадку у самого вокзала, лишь затем,

чтобы встретить любимую девочку, рискуя при этом и самолетом и жизнью.

Но поступки Чкалова были обусловлены неукротимой жаждой творчества. У Широкова же они выражаются как обычное венчурное воздушное хулиганство.

Широков в школе трудно поддается дисциплине. Ему ничего не стоит сделать посадку у самого вокзала, лишь затем,

чтобы встретить любимую девочку, рискуя при этом и самолетом и жизнью.

Но поступки Чкалова были обусловлены неукротимой жаждой творчества. У Широкова же они выражаются как обычное венчурное воздушное хулиганство.

Широков в школе трудно поддается дисциплине. Ему ничего не стоит сделать посадку у самого вокзала, лишь затем,

чтобы встретить любимую девочку, рискуя при этом и самолетом и жизнью.

Но поступки Чкалова были обусловлены неукротимой жаждой творчества. У Широкова же они выражаются как обычное венчурное воздушное хулиганство.

Широков в школе трудно поддается дисциплине. Ему ничего не стоит сделать посадку у самого вокзала, лишь затем,

чтобы встретить любимую девочку, рискуя при этом и самолетом и жизнью.

Но поступки Чкалова были обусловлены неукротимой жаждой творчества. У Широкова же они выражаются как обычное венчурное воздушное хулиганство.

Широков в школе трудно поддается дисциплине. Ему ничего не стоит сделать посадку у самого вокзала, лишь затем,

чтобы встретить любимую девочку, рискуя при этом и самолетом и жизнью.

Но поступки Чкалова были обусловлены неукротимой жаждой творчества. У Широкова же они выражаются как обычное венчурное воздушное хулиганство.

Широков в школе трудно поддается дисциплине. Ему ничего не стоит сделать посадку у самого вокзала, лишь затем,

чтобы встретить любимую девочку, рискуя при этом и самолетом и жизнью.

Но поступки Чкалова были обусловлены неукротимой жаждой творчества. У Широкова же они выражаются как обычное венчурное воздушное хулиганство.

Широков в школе трудно поддается дисциплине. Ему ничего не стоит сделать посадку у самого вокзала, лишь затем,

чтобы встретить любимую девочку, рискуя при этом и самолетом и жизнью.

Но поступки Чкалова были обусловлены неукротимой жаждой творчества. У Широкова же они выражаются как обычное венчурное воздушное хулиганство.

Широков в школе трудно поддается дисциплине. Ему ничего не стоит сделать посадку у самого вокзала, лишь затем,

чтобы встретить любимую девочку, рискуя при этом и самолетом и жизнью.

Но поступки Чкалова были обусловлены неукротимой жаждой творчества. У Широкова же они выражаются как обычное венчурное воздушное хулиганство.

Широков в школе трудно поддается дисциплине. Ему ничего не стоит сделать посадку у самого вокзала, лишь затем,

чтобы встретить любимую девочку, рискуя при этом и самолетом и жизнью.

Но поступки Чкалова были обусловлены неукротимой жаждой творчества. У Широкова же они выражаются как обычное венчурное воздушное хулиганство.

Широков в школе трудно поддается дисциплине. Ему ничего не стоит сделать посадку у самого вокзала, лишь затем,

чтобы встретить любимую девочку, рискуя при этом и самолетом и жизнью.

Но поступки Чкалова были обусловлены неукротимой жаждой творчества. У Широкова же они выражаются как обычное венчурное воздушное хулиганство.

Широков в школе трудно поддается дисциплине. Ему ничего не стоит сделать посадку у самого вокзала, лишь затем,

чтобы встретить любимую девочку, рискуя при этом и самолетом и жизнью.

Но поступки Чкалова были обусловлены неукротимой жаждой творчества. У Широкова же они выражаются как обычное венчурное воздушное хулиганство.

Широков в школе трудно поддается дисциплине. Ему ничего не стоит сделать посадку у самого вокзала, лишь затем,

чтобы встретить любимую девочку, рискуя при этом и самолетом и жизнью.

Но поступки Чкалова были обусловлены неукротимой жаждой творчества. У Широкова же они выражаются как обычное венчурное воздушное хулиганство.

Широков в школе трудно поддается дисциплине. Ему ничего не стоит сделать посадку у самого вокзала, лишь затем,

чтобы встретить любимую девочку, рискуя при этом и самолетом и жизнью.

Но поступки Чкалова были обусловлены неукротимой жаждой творчества. У Широкова же они выражаются как обычное венчурное воздушное хулиганство.

Широков в школе трудно поддается дисциплине. Ему ничего не стоит сделать посадку у самого вокзала, лишь затем,

чтобы встретить любимую девочку, рискуя при этом и самолетом и жизнью.

Но поступки Чкалова были обусловлены неукротимой жаждой творчества. У Широкова же они выражаются как обычное венчурное воздушное хулиганство.

Широков в школе трудно поддается дисциплине. Ему ничего не стоит сделать посадку у самого вокзала, лишь затем,

чтобы встретить любимую девочку, рискуя при этом и самолетом и жизнью.

Но поступки Чкалова были обусловлены неукротимой жаждой творчества. У Широкова же они выражаются как обычное венчурное воздушное хулиганство.

Широков в школе трудно поддается дисциплине. Ему ничего не стоит сделать посадку у самого вокзала, лишь затем,

чтобы встретить любимую девочку, рискуя при этом и самолетом и жизнью.

Но поступки Чкалова были обусловлены неукротимой жаждой творчества. У Широкова же они выражаются как обычное венчурное воздушное хулиганство.

Широков в школе трудно поддается дисциплине. Ему ничего не стоит сделать посадку у самого вокзала, лишь затем,

чтобы встретить любимую девочку, рискуя при этом и самолетом и жизнью.

Но поступки Чкалова были обусловлены неукротимой жаждой творчества. У Широкова же они выражаются как обычное венчурное воздушное хулиганство.

Широков в школе трудно поддается дисциплине. Ему ничего не стоит сделать посадку у самого вокзала, лишь затем,

чтобы встретить любимую девочку, рискуя при этом и самолетом и жизнью.

Но поступки Чкалова были обусловлены неукротимой жаждой творчества. У Широкова же они выражаются как обычное венчурное воздушное хулиганство.

Широков в школе трудно поддается дисциплине. Ему ничего не стоит сделать посадку у самого вокзала, лишь затем,

чтобы встретить любимую девочку, рискуя при этом и самолетом и жизнью.

Но поступки Чкалова были обусловлены неукротимой жаждой творчества. У Широкова же они выражаются как обычное венчурное воздушное хулиганство.

Широков в школе трудно поддается дисциплине. Ему ничего не стоит сделать посадку у самого вокзала, лишь затем,

чтобы встретить любимую девочку, рискуя при этом и самолетом и жизнью.

Но поступки Чкалова были обусловлены неукротимой жаждой творчества. У Широкова же они выражаются как обычное венчурное воздушное хулиганство.

Широков в школе трудно поддается дисциплине. Ему ничего не стоит сделать посадку у самого вокзала, лишь затем,

чтобы встретить любимую девочку, рискуя при этом и самолетом и жизнью.